

Алёна Амурская
Гайдэ

**ПРОЩАЙ,
ПРЕДАТЕЛЬ!**

Гайдэ - Прощай, предатель!

<https://litres.ru/74221213>

Аннотация

♥# Как же много жен живет с иллюзией, будто хорошо знают любимого мужа! Я тоже оказалась из таких. Только вышла на позднем сроке в декрет, как застала своего с секретаршей.

- Даша, нет, - зверем хрипит он. - Как ты здесь..? Только не ты... Даша!!!

Онемев, молчу. А затем, глядя на мужа больными от ужаса глазами, начинаю отступать. Всё быстрее и быстрее.

- Это ничего для меня не значит! Есть только ты, маленькая. Завтра поедem на море и забудем обо всем!

- Засунь своё море знаешь куда?! - чувствую, что задыхаюсь. - Ты нас предал, Влад! Ты... нас... предал!

Боже, помоги мне. Боже мой...

Разворачиваюсь. Неуклюже бреду прочь, прижимая руки к своему тяжелому восьмимесячному животу. И невыносимо горькие рыдания сжимают горло с осознанием: это конец!

Декрет стал моим личным адом.

Содержание

Глава 1. Легкого декрета!	4
Глава 2. Скажи мне, кто твой друг...	11
Глава 3. Ад за дверью	17
Глава 4. Ты - нежная фиалка	24
Глава 5. Разумной быть тяжело	30
Глава 6. Я тебя никогда не отпущу	35
Глава 7. Стратегия утопающего	43
Глава 8. Князь. День вины и ярости	49
Глава 9. План побега	57
Глава 10. Роковая правдорубка	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Легкого декрета!

##

Мой ад начался с декрета.

А может, и с того дня, как у мужа в офисе появилась секретарша...

Меня тогда сразу начало терзать какое-то смутное беспокойство. Это чувство было похоже на тупую зубную боль - зудит себе фоном и зудит. И сделать ничего с ним нельзя.

Она появилась полгода назад, когда я уже забеременела...

Молоденькая, свеженькая, стройная. Очень симпатичная. Натуральная блондинка с длинными волосами до попы. Способная, исполнительная, умненькая...

Прекрасные данные для идеальной секретарши в мужском понимании.

А еще все эти полгода меня постоянно преследовало ощущение, что она как-то слишком фанатично относится к работе. Просто однажды я пришла в офис и случайно заметила, как преданно она таращится на моего мужа. Прямо-таки глазами жрёт...

Может, влюбилась в него?

Тревожная мысль об этом крутилась у меня в голове которую неделю. И в тот день, когда я прощалась со своим непосредственным начальством и коллегами перед уходом в декрет, - тоже.

- Ну что, Дарья, счастливого тебе пополнения в семействе и легких родов! - говорит начальник нашего отдела продаж, а затем с заметным сожалением добавляет как бы в шутку: - Из всего офисного планктона ты была самой... небесполезной! И мое предложение собирать данные по продажам и делать аналитику на удаленке официально пока еще в силе. У тебя ведь неплохой потенциал в этой области. Может, передумаешь?

- Вряд ли, Анатолий Сергеевич, - качаю я головой. - У меня муж против, чтобы я даже по удаленке работала. Беспокоится обо мне, понимаете? Беременность... тяжело протекает. Я и так тянула до последнего со сроками выхода в декрет.

Начальник косится на мой выпуклый восьмимесячный живот и неловко уводит взгляд в сторону.

- Ладно, Дарья, мы еще вернемся к этой теме. Вон девочки с тобой поболтать на прощание хотели... - и он ретируется к столу с закусками и напитками.
Пока никто больше меня не потревожил, я выхожу в коридор и набираю любимый номер.
Гудки...

Длинные, ровные, поначалу они меня как-то даже умиротворяют. Но затем беспокойство снова поднимает со дна моего сознания муть навязчивых мыслей. Всё тех же самых.

О ней.

Наконец в трубке раздается легкий щелчок и шорох живой связи, заставив меня встрепенуться.

- Привет! - говорю с искренней нежностью. - Знаешь, я тут уже устала и хочу...

- Извините, Дарья Алексеевна, - торопливо прерывает меня мелодичный девичий голосок секретарши, и я цепенею с раскрытым ртом. - Владан Романович сейчас очень занят на важных переговорах. Поставка нового товара из элитной винодельни для наших супермаркетов почти согласована...

Журчание ее приятного вкрадчивого тембра действует на меня, как ведро ледяной воды на голову. Аж внезапный озноб пробирает, как будто... не знаю, сглазил кто-то. Даже подташнивать начинает, хотя токсикоз на последних месяцах беременности меня уже почти не мучает.

Я прикрываю глаза и тихонько глажу свой живот, чтобы успокоиться. Но пока эта сладкоголосая сирена висит на связи, моя обычная внутренняя гармония и не думает возвращаться.

Почему она взяла трубку его личного мобильного телефона? Зачем..?

Никогда еще такого не было.

- Хорошо, - сдержанно отвечаю я, подавляя противное чувство холода внутри, и тихо вздыхаю. - Надеюсь, дегустация у него не перерастет в бизнес-пьянку с новыми партнерами.

- Ну что вы, конечно же, нет! - пылко заверяет меня трубка и с еле заметным придыханием добавляет: - Владан Романович не такой. Он всему меру знает. Что-нибудь ему пере-

дать?

- Ничего. Я скоро поеду домой и... неважно! - обрываю сама себя и через силу выдавливаю: - До свидания.

- До свидания, Дарья Алексеевна! - раздаются короткие гудки прерванной связи.

Почему, ну почему в ее голосе столько радости..? Предвкушения даже какого-то...

- Ты чего тут одна скучаешь, Дашуль? Твой же прощальный стол, а ты от коллег прячешься.

Ко мне подходит Эльвира - одна из самых успешных наших менеджеров, - и сразу привычно обнимает меня. Сладковато-приторное облако ее духов мне не нравится, но из деликатности я терплю.

Просто Эльвира всегда проявляет ко мне столько участия и внимания, что неудобно ей говорить, что от запаха ее парфюма меня тошнит. Тем более, что обоняние может так страдать всего лишь из-за беременности...

Ничего, скоро роды, и мне обязательно полегчает.

- Эх, Дашуль, как же мы тут без тебя будем? - вздыхает Эльвира. - Кто будет смягчать твоего необузданного Князя, если наши вдруг с его проектом накосячат..?

- Уверена, вы справитесь. И потом, мы же всегда на связи в общем чате команды проекта. Я всё так же буду заходить, общаться... где еще найдешь такую ламповую дружескую атмосферу, как там? Вы с девочками всегда поддержите, выслушаете в трудную минуту, если меня от гормонов снова

штормить начнет.

- Конечно, смело заходи к нам поболтать, если снова заботишься! - охотно кивает Эльвира. - Родов там или еще чего... ну не знаю... левака Князя, например, хех! Эй, ты чего такое личико испуганное сделала? Я ведь пошутила. Расслабься, дорогая, мы же все видим, как Владан Романович тебя обожает, жить просто без тебя не может. Знаешь, я прям восхищаюсь тобой! Как ты приворожила такого потрясающего мужчину?

- Да ладно тебе, Эля. Скорее это он меня приворожил... - я смущенно улыбаюсь и наконец отступаю на шаг назад.

Князь - это мой муж, Князев Владан Романович.
Брутальный синеглазый брюнет и просто яркая личность. У него довольно тяжелый характер, от которого несладко всем...

Всем, кроме меня и его матери - очень эффектной стервозной женщины со словацкими корнями.

Князем его зовут в деловых кругах - и не только, - уже давным-давно. Прозвище буквально прикипело к нему, как родное. По-моему, оно у него еще со школьных времен появилось. И, кстати, оказалось, что называется, говорящим. Потому что тогда, когда я его только встретила, он уже имел репутацию невероятно влиятельного и харизматичного мужчины. Все его проекты буквально взлетали с нуля, как заведенные.

Наверное, его могли бы называть за спиной тем самым классическим «биг-боссом», но эффектное слово «Князь»

уже прочно обосновалось в умах общественности.

Мне оно всегда очень нравилось, и втайне я радовалась, что с фамилией Владану так повезло. Не то, что его лучшему другу - Марату Плохишеву, к которому прицепилось совсем другое фамильное сокращение. Плохиш. Бр-р... Впрочем, последний всегда себя вел так, будто ему на это наплевать.

- Легкого декрета тебе, дорогая! - напоминает о себе Эльвира и заговорщицки подмигивает. - Рожай поскорее и обязательно найди хорошую няню... Тебе надо будет быстренько привести себя в порядок, а то даже у таких шикарных мужчин, как твой Князев, терпение имеет свои пределы.

Ее критический взгляд словно бы царапает мой живот, и я инстинктивно прикрываю его ладонями. Мой малыш как чувствует - сразу же отзывается щекочущим шевелением изнутри. Пяточкой к моей руке прижался...

Вот бы сейчас Владан почувствовал плод нашей любви! Так нежно, трогательно... Даже плохие мысли отступают прочь. Снова чувствую тихое, гармоничное счастье материнства.

- Я подумаю об этом, - бормочу Эльвире, улыбаясь. - Мне пора домой.

- Вот блаженная! - шутит она и просит напоследок: - Слушай, я еще насчет проекта нашего хотела сказать... Ты можешь попросить Князя немного бюджет увеличить? А то мы чуток превысили. Чем раньше, тем лучше.

- Ладно, я спрошу его, - рассеянно киваю ей. - Но ничего не обещаю.

Быстро распрощавшись с коллегами, выхожу на улицу. С облегчением вдыхаю глоток свежего осеннего воздуха без привкуса приторных женских духов...

И вдруг меня охватывает сильное, почти невыносимое желание увидеть моего Влада. Просто обнять его. Вдохнуть волнующий мужской запах. Почувствовать, что он рядом - мой единственный мужчина, любимый муж и отец моего ребенка...

Кстати, почему бы и нет?

Конечно, я редко приходила к нему в офис последние месяцы, но...

Желание беременной женщины - закон. Он сам мне говорил так вчера вечером, когда лично принес из супермаркета пакет красных вкусных яблок, на которые я под села.

Так что пусть отвечает за свои слова.

Глава 2. Скажи мне, кто твой друг...

Головной офис корпорации «Князево» находится в самом центре города. Это совсем недалеко от фирмы, где я работала, так что можно и прогуляться. Пока погода позволяет.

Кстати, на работе мы с Князовым и познакомились.

Он заехал к нашему генеральному директору подписать договор поставки пищевого оборудования, а я принесла в кабинет бумаги на подпись. Увидела его там, лениво сидящего за длинным столом напротив моего начальства. Такого сильного, властного, красивого...

Энергетика у него и сейчас просто невероятная. С ума от нее схожу, пробирает до мурашек. А тогда меня и вообще затрясло, даже ручку выронила. Искала ее, ползая возле его ног, как распоследняя идиотка. Потом нашла, протянула снизу вверх... подняла на него стыдливый взгляд...

И просто залипла.

Он потом говорил, что я околдовала его своими глазами. Называл их чистыми и бездонными, а меня саму - своей милой волшебницей, нежной феей... а иногда - и своим личным ангелом. И при этом смотрел на меня так, будто в жизни никого интереснее не видел. Жадно и нежно.

От его внимания я заливалась краской смущения и слу-

шала признания, как загипнотизированная.

Весь наш отдел продаж тогда в потрясенном ажиотаже наблюдал, как самый перспективный и блистательный клиент с непонятной настойчивостью ухаживал за простой девушкой - менеджером. Цветы, сладости, подарки...

В самом большом затруднении, конечно, оказался наш генеральный. Он прекрасно видел, к чему все идет, и терялся, как со мной быть. То ли повесить, чтобы порадовать влиятельного жениха... то ли сделать вид, что ничего не происходит, как будто Князь, о сотрудничестве с которым мечтают многие более успешные фирмы-поставщики, зачастил в его офис, как в свой родной, просто так.

В конце концов мне приказали напрямую курировать все его «вкусные» проекты и, даже не спросив, задним числом назначили главным менеджером проектной группы. А после свадьбы просто не стали уже ничего менять.

Сказать по правде, лидерских качеств во мне - кот наплакал, слишком уж неуверенно я себя чувствовала в этих переменах. Зачастую решения требовалось принимать психологически трудные, и на это место логичнее было бы поставить куда менее чувствительного человека, чем я. Так что реально группой управляла всё та же зубастая Эльвира, чрезвычайно ко мне благоволившая. Что ж, возможно, теперь, когда я ушла в декрет, должность утвердят за ней официально...

Рассеянно размышляю об этом и медленно иду по тротуару. А в прозрачных дверях офиса меня поджидает неприят-

ный сюрприз.

- Привет, Даша, - кивает Плохишев. - Какими судьбами?

Закадычный друг мужа не торопится отходить в сторону и освобождать мне путь в фойе. Держится расслабленнее, чем обычно.

Я принохиваюсь - так и есть, от него дорогим вином и духами пахнет. Дегустатор по бабам, блин! Хотя у него жена есть... Единственный сын прожженного политика. Сразу видно, в кого пошел. Этот никогда своего удовольствия не упустит. Да еще и мужа подначивает принимать участие в своих подвигах активнее. Терпеть его не могу!

Не понимаю, почему они с Князовым так сдружились. У них же в характере нет ничего общего, кроме уровня жизни! Мой муж - любящий, благородный человек, верный и надежный. А этот - просто лопается от завышенного ЧСВ и высокомерного шовинизма.

- К Владану пришла, - отвечаю сухо. - Дай пройти.

Он как-то нехорошо усмехается, разглядывая меня и мой живот с непонятым выражением. Так люди обычно смотрят на вшивых котят и щенят, которые путаются у них под ногами, выпрашивая кусочек угощения. С холодной брезгливой жалостью.

- Давай провожу, - он бесцеремонно подхватывает меня под локоть и ведет к роскошным кожаным диванам для посетителей. - Влад сейчас еще с новыми поставщиками общается. Подожди, как освободится...

Я дергаю плечом, сбрасывая его руку с локтя, и делаю шаг к лифту. Настойчивость Плохишева мне неприятна.

- Наверху подожду.

- Наверху так наверху, - пожимает плечами друг мужа и вместе со мной заходит в лифт. А когда створки захлопываются, зачем-то держит пальцем кнопку ожидания.

Я недовольно кошусь на него.

- Может, уже поедем?

- Секунду, - усмехается Плохишев и набирает номер на мобильнике. Хмурится. Перенабирает другой номер. - Князев где..? А. Понятно.

Это его странное ёмкое «А» вдруг пугает меня до крайности, но я даже боюсь сейчас раздумывать о природе этого чувства. Просто он произносит эту букву таким тоном, как будто вместо аканья должно было прозвучать: «Ну и кре-тин.»

- Что..? - почти беззвучно спрашиваю я.

Плохишев игнорирует мой вопрос, только бросает короткий утомленный взгляд, транслирующий: люди, как же вы все меня заебали.

- Вот что... Тут жена Князева поднимается в лифте. Чай с печеньками бы ей организовать, дорогуша. Не вино же ей пить, а?.. Посидит в комнате отдыха, подождет. А мы пока самого Князя отыщем.

Стоя рядом, я слышу из телефона приглушенный голос какой-то визгливой тетки. Он кажется довольно взвинчен-

ным и недовольным, но слов не разобрать. И меня мгновенно охватывает неуверенность в себе. А вдруг Владан будет злиться, что я заявила вот так спонтанно, без предупреждения? Помешала его делам и важным планам..?

Судорожно сглатываю, стараясь избавиться от неясного предчувствия какой-то беды.

- Марат... - обращаюсь к спутнику ровно. - А вы лучше спросите секретаршу Владана, где он сейчас. Она наверняка должна быть в курсе.
Породистые губы Плохишева кривит какая-то неприятно двусмысленная усмешка.

- О да, - соглашается он легко. - Ты абсолютно права, Даша. Уж она-то в курсе. Только ее надо сначала найти.

Он наконец запускает лифт наверх и мы едем молча до самого верхнего этажа. Возле комнаты отдыха Плохишев указывает мне на мягкий диван перед столиком с чаем и сладостями.

Да уж, зря старались только. Меня сейчас снова подташнивает, и ничего в горло не полезет при всем желании.

- Подожди меня тут, - он морщится, глядя на то, как неуклюже медленно я устраиваюсь на диване, и чуть мягче добавляет: - Тебе нельзя волноваться.

- Я знаю, - вздыхаю устало. - Мой гинеколог постоянно это говорит из-за повышенного тонуса. На следующей неделе придется лечь в стационар на сохранение, перестраховаться.

- Лучше бы сегодня легла, всем бы жизнь облегчила. Никуда не ходи, поняла? А то мало ли, что увидишь... - буркает

Плохишев и стремительно выходит, бросив под нос очередную тревожащую фразу: - Блядь... ну, Князь, урою тебя как найду, ебанат гребаный...

У меня аж сердце обмирает. Смотрю в никуда остановившимся взглядом и думаю напряженно только об одном.

Почему он так сказал. Почему?!

Сам того не понимая, Плохишев свел на нет все свои попытки усадить меня в комнате отдыха. Всего одной фразой.

Я не могу сидеть и ждать без дела. Просто не могу. Щеки пылают от прилива крови и дышать тяжело - так сейчас часто у меня бывает на последних месяцах беременности.

Надо умыться. Где-то тут была роскошная душевая с зеркалом во всю стену, белоснежным умывальником и мягким шезлонгом. Можно даже полежать немного...

Я смахиваю испарину со лба и медленно иду через смежный коридор в сторону непрозрачной двери из очень толстого шумопоглощающего стекла с шуточным значком «Boss-room», который сама подарила мужу на первое апреля в прошлом году.

Толкаю дверь, рассчитывая найти за ней облегчение...

...но нахожу только ад. Притягательно-пошлый. Мучительный. И страшный.

Глава 3. Ад за дверью

Сначала я слышу только смачные, ритмичные звуки. Они оглушают и парализуют меня, пока взгляд мечется в поисках их источника.

А затем я вижу его...

Своего мужа, который по-хозяйски расслабленно сидит в кресле с бокалом вина в руке и с расстегнутыми брюками. Его тяжелые веки с густыми темными ресницами полузакрыты от удовольствия. А между его ног, на коленях стоит стройная девушка в строгом брючном костюме...

И с энтузиазмом отсасывает ему.

От шока у меня темнеет в глазах, но даже зажмуриться нет сил. Волна длинных блондинистых волос дергается вверх и вниз, вверх и вниз в учащенном темпе, предвещающая скорую кульминацию. Вижу сквозь кошмарную муть, как рука мужа грубо хватает блондинку за скальп и агрессивно прижимает к мускулистым бедрам, заставляя ее проглотить выплеск мужской похоти полностью, до последней капли.
Наверное, я издаю какой-то сдавленный хрип и осознаю это лишь краешком сознания. Мне плохо. Меня тошнит от увиденного.

- Даша..?

Теперь-то они меня замечают оба. Блондинка резко оборачивается... да, это она. Проклятая сладкоголосая секретарша.

ша, из-за которой я ревновала мужа все последние полгода и стыдилась своей ревности. Своего болезненного недоверия к нему.

И зря...

- Даша, нет... - зверем хрипит он под моим застывшим, неживым взглядом, хаотично натягивая брюки. - Как ты здесь..? Только не ты... Даша!!!

Боль и отчаяние уже раздирают грудь острыми когтями, но шок неверия пока еще действует на сознание, тормозя реакцию.

Онемев, я молчу... всего одно мгновение, чтобы заставить себя нормально дышать. Даже не ради себя, а ради ребёнка.

А затем, глядя на мужа больными от ужаса глазами, начинаю отступать. Всё быстрее и быстрее.

- Я всё исправлю, Даш, я заглажу свой косяк, обещаю... - рычит он мне вслед полуголый. - Забудь об этом, просто забудь. Это ничего для меня не значит! Есть только ты, маленькая! Завтра поедem на море. Ты ведь мечтала побыть вдвоем на море, помнишь?

У меня наконец прорезается голос. Хотя нет... не голос, а жалкий, надрывный хрип.

- Засунь своё море знаешь куда...! - чувствую, что всё-таки начинаю задыхаться. - Ты нас предал, Влад! Ты... нас... предал!

Боже, помоги мне... Боже мой...

Разворачиваюсь и неуклюже, слепо тащусь прочь, прижи-

мая руки к своему тяжелому восьмимесячному животу. Позади слышится грохот - муж яростным пинком отшвыривает кушетку-шезлонг, заставив свою секретаршу взвизгнуть от испуга.

Горький ком подкатывает к горлу вместе с осознанием. Это конец.

Конец нашей семье.

Нашей... нет, моей... любви.

Потому что он, похоже, никогда по-настоящему меня не любил, раз изменяет. И как изменяет! Пошло и банально. С собственной секретаршей!
Изменяет, пока его ребенок болезненно растет в моем животе, мешая тешить его мужские потребности!

Как много, как же много жен живет с иллюзией, будто хорошо знают своего «благоверного»... Я тоже оказалась из таких. Наивная, глупая дура.

И теперь тот самый долгожданный декрет, о котором я так наивно мечтала, стал моим личным адом.

Сама не знаю, каким чудом мне удастся выйти в коридор и не свалиться по дороге в глубоком обмороке. Позади - хаотичный шум опрокинутой мебели и зовущий голос Владана, который резко приводит себя в порядок. Слышу всё это как сквозь вату.

Голова кружится. По всему телу расползается ледящий озноб, будто внутри меня включили холодильник. И каждый

шаг... каждый проклятый шаг я делаю через боль. Фантомную, но оттого не менее тяжелую.

Щиколотки и стопы болезненно покалывает - опять сегодня опухли немного. Кажется, теперь я наконец понимаю, как себя чувствовала русалочка из сказки Андерсена на суше, когда ей было больно ходить. Для третьего триместра это нормально или это у меня что-то с давлением не так..?

Да, лучше сосредоточиться на мысли о своем здоровье.

И дышать размеренно, несмотря на дикое ощущение, что из моей груди торчит длинный острый кинжал и колет при каждом вздохе. Надо просто дотерпеть до дома, а там...

Но о том, что будет «там», я предпочитаю сейчас не думать.

Надо поторопиться. Только не останавливаться. Выбраться подальше отсюда, покинуть эту адскую комнату... офис... и общество мужа, которое теперь для меня хуже, чем самая страшная пытка.

И эта пытка нависает надо мной тяжёлой и безжалостной гильотиной. Потому что я достаточно изучила агрессивный темперамент мужа за время нашей совместной жизни, чтобы понять одну вещь...

Он из породы бойцов.

Тех самых, которые преодолевают любые преграды и берут штурмом любую крепость. И меньше всего задумываются при этом о чувствах других людей.

Пока наши отношения складывались гладко, он был вни-

мателен и снисходительно заботлив, неизменно проявлял к любимым моим слабостям и наивным капризам очень высокую лояльность.

Но апокалипсис семейного счастья уже не отменить.

И теперь... когда мы оба стоим по разные стороны на краю чудовищного разлома... точки обзора сместились. Приоритеты поменялись. Жизнь распалась на две параллельные реальности.

И в одной из них измена - это пустяк, ерунда. Маленькая незначительная слабость.

...«Забудь об этом, просто забудь. Это ничего для меня не значит!» - гудит во мне эхо некогда любимого голоса.

Господи, что же это за натура у него такая жестокая?!

Если Князев меня догонит, то мне конец. Я не выдержу, если он начнет прогибать меня под удобную ему реальность. Просто сломаюсь. И что тогда будет с моим беззащитным малышом? Ведь ему нужна здравомыслящая, адекватная мама, а не психическая развалина!

Последняя мысль вдруг отрезвляет, и я заставляю себя внутренне собраться. Забыть хотя бы ненадолго о том, как нестерпимо жжет и бушует в груди атомный взрыв разбитого сердца. Как бы ни было больно...

Да, счастливой жены больше нет, она сгорела и умерла в этом взрыве. Точка. Но зато любящая мама жива.

Мама с тобой, малыш, не переживай. И не пинайся так сильно. Баю-бай, мой хороший...

Путь до лифта выпадает из моей памяти напрочь.

Все встречные люди кажутся безликими темными фигурами. Их голоса невнятные, в ушах от них шумит. А сама себя я чувствую привидением, скользящим в тумане горячечного бреда. Четкие очертания только у кнопки вызова лифта. Она горит, пылает алым цветом, как и моя боль.

Зато стремительную жесткую печать приближающихся шагов за спиной я различаю сразу.

- Даша!

Красивый низкий голос мужа сейчас противен мне. Слышать его не хочу. Не хочу, не могу и не буду!

Лифт, миленький... ну давай же поскорее... увези меня отсюда! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Но створки кабины мягко раздвигаются передо мной ровно в тот момент, когда Князев останавливается буквально в двух шагах.

Не глядя на него, я быстро захожу внутрь. Он - следом за мной.

- Даш, подожди.

Муж ловит моё запястье, но я резко вырываю его и отчаянно выкрикиваю:

- Не прикасайся ко мне!

И тут, к моему ужасу, двери лифта захлопываются, лязгнув напоследок, словно челюсти безжалостной акулы. Мы остаемся одни, лицом к лицу. Зверь, который разорвал сердце в клочья, и его слишком доверчивая жертва.

Князев окидывает меня коротким яростным взглядом и вдруг вдавливают кнопку «стоп» до упора. Тем самым превращая лифт в ловушку, из которой нет ни выхода, ни входа.

Он тянет ко мне руку, чтобы таким привычным, родным движением погладить меня по щеке... но я инстинктивно сжимаюсь и шарахаюсь в самый дальний угол, обхватив себя руками. Меня аж трясет всю.

Но и муж не выглядит спокойным. И от него слабо пахнет терпким красным вином.

Он настойчиво заглядывает мне в лицо, ловит взгляд... и с силой бьет кулаком по стене лифта, заставив меня вздрогнуть.

- Блядь, блядь, блядь... Даша! Не смотри на меня так! - судорожно запускает пальцы в свои волосы и так же резко выпрямляется. А затем четко, по слогам произносит: - Я. Люблю. Только. Тебя. Она для меня ничего не значит! Случайная слабость. Понимаешь?!

Я мотаю головой и крепко зажмуриваюсь.

Просто не могу смотреть на него и понимать, что это мужественное и такое любимое лицо - на самом деле оказалось лживой маской.

- Нет... - шепчу сдавленно. - Я не понимаю, Влад. И никогда не пойму, как... можно... любить человека... и одновременно предавать его!

Глава 4. Ты - нежная фиалка

На лице Князева судорожно дергаются желваки, выдавая его реакцию.

Обычно в таком состоянии он непредсказуемо агрессивен и способен запрессовать человека всего лишь парой ёмких фраз так, что того внутренне расплющит в лепешку. Примерно где-то на уровне плинтуса.

Однако до сегодняшнего дня он всегда контролировал при мне свою тяжелую, необузданную натуру - теперь уже неясно, из-за «любви» ли. Возможно, причиной было только мое безоговорочно преданное и восторженное отношение к нему..? Или моя нелегкая беременность..?

Муж и сейчас по привычке сдерживается от слишком резких слов.

Раздувает ноздри в бешенстве от ловушки аморальной ситуации, которую сам себе создал... и молчит. Только сжимает руки в кулаки, дышит тяжело и смотрит, набычившись, исподлобья.
Но надолго ли его хватит?

- Владан Романович! - долбится кто-то в створки снаружи.
- Владан Романович, с вами все в порядке?

- Да! - лаконично и раздраженно бросает он.

- Лифт завис... может, слесаря вызвать..? Или электрика..?

Глаза мужа, всегда напоминающие цветом глубокое синее море, наполняются штормовой тьмой. Яркий сигнал, что

очередной несчастный сотрудник-дуралей только что нажал на «плохую» красную кнопку его темперамента.

- Владан Романович..!

- На хрен все пошли!!! - взрывается Князев, не сводя с меня тяжелого пожирающего взгляда. - Заткнулись, сука, все и убрались отсюда! Уволю!

Тишина наступает такая, что даже слышно, как снаружи в коридоре из чьих-то рук выпадает что-то маленькое. Вроде шариковой ручки или маркера.

Я смутно осознаю, что мужа совсем занесло. Впервые он так эмоционально, грубо и неконструктивно реагирует на обычный несвоевременный вопрос. Но сейчас мне все равно. И хочется только одного - сбежать отсюда так далеко, насколько это возможно.

Бросаю быстрый косой взгляд на панель управления, и Князев мгновенно реагирует. Делает порывистый шаг вперед и рвано выдыхает:

- Даша, маленькая моя... - его ладони обхватывают мое лицо, и откровенная нежность этого жеста приносит мне новое страдание. Острое, жгучее, до слёзной горечи навзрыд.

Уж лучше бы он ударил меня кулаком прямо в лицо, чем проявлял эту невыносимую нежность! Это бы расставило все точки на свои места и обрубило связь с ним - пусть дико больно, но быстро.

Всё лучше, чем растерянно, непонимающе бродить в ядовитом тумане моего нового мира, разрушенного апокалип-

сисом его измены.

- Не называй меня так!

Резко толкаю его в грудь обеими руками, но с таким же успехом на моего мужа сейчас мог бы воздействовать беспомощный котенок. То есть никак.

Князев даже не замечает моего сопротивления. Гладит и гладит большими пальцами мои щеки, волосы, губы и настойчиво шепчет:

- Даша, прости меня... ты же моя добрая девочка... нежная моя фиалка, мой лучик света... прости... для меня существуешь только ты...

Я зажмуриваюсь и отчаянно мотаю головой.

Началось...

Князев - мастер слов в деле, когда надо очаровывать женщин. Потому что он знает, что они хотят услышать от успешного и привлекательного мужчины. Такого, как он. И, увы, он знает мои многие слабые места...

К счастью или несчастью, разбитое сердце не склеишь красивыми словами. А пошлую сцену, в которой секретарша восторженно и жадно делала на коленях моему мужу минет, - не сотрешь из памяти. Она буквально отпечаталась у меня на сетчатке глаз!

Так что...

...нет, Даша, нет. Просто не поддавайся. Не слушай. Не будь доверчивой идиоткой, которой можно навесить любую хитровыделанную лапшу на уши!

Проблема в том, что Князева невозможно оспорить, когда он настроен добиться победы любой ценой. Не с моей робостью и косноязычием так точно. Его не просто так зовут иногда богом переговоров, язык подвешен что надо. И ускользнуть от него можно только одним способом...

- Влад, - выдавливаю из себя хрипло с усилием. - Я не могу сейчас с тобой разговаривать. Я... не хочу! Понимаешь?! И перестань меня трогать. Ты мне... омерзителен!

Тяжелое, мрачное дыхание Князева на секунду сбивается, как будто я ударила его ножом в живот.

Медленно, очень медленно он отводит руки от моего лица. Но не убирает совсем, а упирается ладонями в стенку лифта по обе стороны от моей головы.

Сволочь! Не может лишний раз обойтись без демонстрации своей власти. Без подчеркивания своей опасной мужской силы.

- Понимаю, - зловеще мягко произносит он. - Это я очень хорошо понимаю. Ты сейчас на эмоциях, Даша. Но мы обязательно поговорим позже. Я тебя прошу только об одном - не наделай глупостей. Мы же с тобой взрослые люди, верно?

Я ничего не отвечаю.

Слепо смотрю вниз, на тупые мыски своих простых осенних ботинок, лишь бы не видеть перед собой красивое, породистое лицо мужа. Но это мало помогает отрешиться, потому что я чувствую еще и его терпко-винное дыхание.
К горлу подкатывает знакомая токсикозная тошнота с мерз-

ким привкусом дерьма и дурноты.

Рвотный спазм еще не успел сжать горло, но его приближение уже не за горами.

- Я поеду домой, Влад. Убери руки!

Скрипнув зубами, Князев-таки отодвигается на один-единственный шаг. Но облегчения от этого так и не наступает. Ощущение, будто на груди тяжесть целой бетонной плиты, а низ живота нехорошо тянет. Господи, опять этот толчок...

- Я сам тебя отвезу, - мрачно говорит муж.

- Нет! - страдальчески выкрикиваю я и тут же прикрываю рот от подкатившей рвотной горечи.

К счастью, ее удастся инстинктивно сдержать... а может, и к несчастью. Проблеваться на идеально начищенную дорожную обувь Князева сейчас было бы самое то. Он это заслужил.

- Нет, - повторяю сдавленным шепотом. - Не надо. Пожалуйста... твое присутствие сейчас невыносимо! Я поймаю такси...

- Я не позволю какому-то вшивому уличному таксисту везти свою беременную жену в таком состоянии! - дергает щекой Князев. - Не хочешь ехать со мной, ладно. Но тогда ты поедешь на моем служебном мерсе. Нашему водителю я хотя бы доверяю!

Прорывав последнюю фразу, он снова слишком низко наклоняется ко мне. И на этот раз я не выдерживаю. Близкий

запах красного вина вызывает гораздо более сильный позыв к рвоте. Со слабым стоном я сгибаюсь пополам, обнимая свой огромный живот...

И всё-таки блюю на красивые черные туфли мужа.

Глава 5. Разумной быть тяжело

Правильно говорят, что счастье не в деньгах. И уж точно не в роскоши.

Брожу по нашей огромной двухуровневой квартире, а от отчаянной тоски выть хочется. Боль и безысходность пожирают изнутри остатки разбитого сердца, сжигают токсичным ядом четкого осознания...

Наша семья разрушена.

Не будет больше счастливых совместных вечеров в обнимку. Только не с Владаном! Я просто не смогу теперь довериться ему, забыть предательство и жить, как раньше

Не будет вечерних просмотров кино с одним мягким пледом на двоих... с искренним смехом... нежными ласками... страстными поцелуями...

Не будет романтики уютных душевных разговоров...

Он всё это разрушил.

Положил на наши отношения всего один, но очень внушительный и похотливый болт, просто решив, что ему без разницы, с кем удовлетворять свои мужские потребности.

Конечно, я могу понять, что любому нормальному мужчине несладко, когда у его жены проблемная и болезненная беременность с повышенным тонусом и другими тревожными сигналами. Когда врачи постоянно предостерегают об угрозе выкидыша. Когда прямолинейно и откровенно не рекомен-

дуют заниматься сексом, чтобы не спровоцировать преждевременные роды.

Но разве это оправдывает Князева?

Разве дает ему право спускать пар на стороне с другими бабами без зазрения совести, когда его жене и без того тяжело?

Чувствую на губах солоноватый горький привкус собственных слёз и прислоняюсь лбом к оконному стеклу. Смотрю на осенний уличный проспект пустым бессмысленным взглядом и думаю, думаю, думаю...

Почему ты предал меня, Влад? За что ты поступил так со мной, любимый?

Ты ведь не просто изменил...

Ты убил и растоптал мою любовь. Мое доверие.

Убил в тот самый момент, когда решил, что трахать на работе свою секретаршу в рот - это нормально для женатого мужчины!

Настойчивый сигнал мобильного врывается в мою депрессию неприятно веселым рингтоном. Надо будет поменять мелодию, дико начала раздражать...

Тупо смотрю на экран. Мама звонит.

Я редко с ней общаюсь, слишком уж мы по-разному смотрим на мир. Она все мое детство превратила в какой-то странный аттракцион своих психологических заскоков, считая с того дня, как они с отцом развелись.

И тогда началось...

Сначала мать пристрастилась к алкоголю. Потом к антидепрессантам. А затем вдруг всё это бросила и переключилась на странноватые духовные сообщества, вроде секты какого-то фиолетового эго.

Помню, что мне было лет шесть, когда отец ушел к другой женщине и больше не вернулся. Мать говорила о ней исключительно матом и всегда добавляла, что это - проститутка.

Однажды я по наивности спросила, что это значит, и тут же пожалела. В тот период мать еще держалась за бутылку и спьяну решила продемонстрировать доченьке всё наглядно. Откопала в шкафу забытую папашей флешку и воткнула в ноутбук.

Там оказались видео... много видео с людьми... голыми мужчинами и женщинами, которые шокировали меня и безумно напугали странными протяжными воплями, утробными стонами и руганью.

«Смотри! Смотри! - зло приговаривал на ухо заплетающийся голос, обдавая меня перегаром. - Вот что такое проститутка. Вот чего не хватало твоему папаше! Ты меня слышишь?!»

- ...ты меня слышишь, Даш? - возвращает в реальность недовольный голос из трубки. - Почему матери не отвечаешь?

- Привет, мам, - механически здороваюсь я и снова утыкаюсь лбом в окно. По ту сторону стекла в тихих серых сумерках ползут прозрачные капли дождя, под стать моему на-

строению.

- У меня появилась идея, - сразу приступает к интересующей теме мать, даже не поинтересовавшись, удобно ли мне с ней разговаривать. - Надо отремонтировать бабушкину развалюху в деревне и выгодно продать.

- Зачем?

- Я хочу разменять свою квартиру на другую, поближе к центру. Петенька идею одобрил.

Петенька - это ее сожитель и по совместительству тоже адепт их странной фиолетовой секты.

- Делайте, как считаете нужным... - устало вздыхаю.

- Мы не можем! Бабушка оставила свою развалюху в наследство не мне, так что придется тебе побегать к нотариусу, чтобы оформить разрешение!

- Я сейчас не могу этим заниматься, и ты это прекрасно знаешь. Мне рожать скоро. На таком сроке не до беготни по нотариусам.

- А ты Владика нашего попроси подсобить! Он по-быстрому все решит, - предлагает мать и, помедлив, вкрадчиво напоминает: - А ведь мы бы могли обойтись и без продажи бабушкиного старья в Гадюкино, если бы ты ему только намекнула, что мне не хватает денег на жилье...

Знала бы она, что «наш Владик» еще сегодня сделал! По-быстрому... Но такие личные вещи я обсуждать не могу. Только не с ней.

- Нет, мама, - выдавливаю из себя угрюмо. - Не буду я

его об этом просить. По-моему, у тебя отличная квартира. Двушка с евроремонтом и в хорошем районе...

- Но не в центре!

Иногда моя мать чертовски напоминает старуху из сказки про рыбака с золотой рыбкой. Чем больше идешь у нее на поводу, тем большего она требует. А ведь евроремонт в квартире ей именно мой муж и организовал целиком за свой счет. И полгода даже не прошло.

Зловеще тихий щелчок со стороны просторной прихожей заставляет меня окаменеть с мобильником в руке. Сердце в груди спотыкается.

Владан вернулся...

- Мам, я больше не могу разговаривать, извини, - бормочу скороговоркой, гипнотизируя затравленным взглядом дверь.

- Ладно-ладно... но бумаги на дом я тебе завтра всё-таки пришлю! - кричит мать в трубку. - Вдруг время найдешь, мало ли!

Князев входит в квартиру по обыкновению стремительно и уверенно.словно крейсер, рассекающий морские волны своим могучим хищным корпусом. Бросает ключи на стеклянно-стальной столик для мелочей в прихожей и находит меня пристально-цепким взглядом.

Я отчаянно пытаюсь заставить себя дышать ровно. Получается... так себе.

Боже, дай мне сил выдержать наш разговор.

Глава 6. Я тебя никогда не отпущу

- Ты бледная, - пререзает напряженную тишину низкий голос мужа. - До сих пор тошнит?

«Да! - хочется ответить мне в прямолинейном отчаянии. - Тошнило, тошнит и будет тошнить при одной мысли о сегодняшнем кошмаре!»

- В пределах нормы, - сухо отвечаю я, кое-как справившись наконец со сбившимся дыханием.
Но интенсивное, сканирующее внимание к себе не выдерживаю, роняю взгляд на обувь мужа. Уже чистую.

Интересно, какому несчастному из офисных сотрудников не повезло отмывать эти злополучные туфли от рвоты обманутой жены?

- Даша, давай ты присядешь на кресло. Нам надо поговорить.

Князев направляется в сторону моего окна в гостиной. Медленно, очень медленно... как будто опасается, что я заорю и, ну не знаю... выпрыгну в это самое окно, например. Или сделаю еще что-нибудь типично-истерическое или неадекватное, свойственное некоторым женщинам в период беременности.

Но мне не хочется сейчас ни орать, ни рыдать.
Самый страшный момент осознания я уже пережила тут, в полном одиночестве. У меня на это было несколько долгих, мучи-

тельно долгих часов. Всё это время я лежала ничком на кровати, обнимая подушку и оплакивала своё погибшее женское счастье.

Тихо оплакивала... очень тихо. Чтобы мой малыш под сердцем не испугался громких рыданий.

А когда самые бурные эмоции отступили, я заставила себя встать, умыла распухшее от слёз лицо в красных пятнах и даже съела что-то легкое через силу. Потому что, хоть аппетита и не было от слова совсем, желудок всё равно сводило спазмами голода. Заодно и максимально разрешенную дозу успокоительного приняла.

Так что зря Князев ждет от меня скандала или какой-то безумной реакции.

Не дождется. У меня на это тупо нет сил, одна лишь токсичная апатия. И неважно, что рядом с ним сердце по-прежнему сжимается от боли.

- Хорошо, - соглашаюсь я с покорным безразличием и плетусь к ближайшему креслу. Залезаю в него с ногами и поджимаю под себя колени. - Я тебя слушаю.

О чем говорить сейчас с этим предателем?

Не знаю. Лично мне нечего пока ему сказать. Просто потому, что я растеряна и не знаю, что делать.

Хотя вариантов у меня есть несколько. Они крутились у меня в голове весь последний час, когда я стояла у окна и топила своё горе в холодных сумерках.

Вариант первый. Топать ногами и кричать о разво-

де.

Отмечается. Поддаться истерике - это значит расшатать свое и без того хрупкое эмоциональное состояние. Опасно. Нельзя перед родами так себя вести - вдруг будут последствия. Ведь на мне огромная материнская ответственность за здоровье нежной младенческой жизни.

Вариант второй. Заставить себя проглотить его измену и якобы «простить».

Тоже мимо. Это себя надо не уважать, чтобы допустить подобное унижение!

Ладно бы слухи... но я же своими глазами видела мужа с расстегнутой ширинкой и его чрезвычайно «трудолюбивую» коленопреклоненную секретаршу на полу! Видела, как он кончил ей прямо в рот и заставил всё проглотить... а она и рада была стараться. Не только не сопротивлялась, но еще и жадно вцепилась руками в его бедра, как будто боялась, что конфету какую-то отнимут.

Господи, как же это... отвратительно!

Отвратительно наблюдать, как муж испытывает желание к другой женщине..! При одном только воспоминании в груди снова нарастает атомный взрыв из страдания, ярости и жгучей ревности.

Хватит! Нельзя думать об этом, иначе можно сойти с ума. Это кошмар, страшный сон, чужая параллельная реальность. А в моей реальности надо просто найти решение, как дальше жить...

Какой есть еще вариант?

Вариант третий. Откровенно поговорить с ним, рассказать о том, как больно и страшно от его предательства. Выяснить, какой он видит нашу дальнейшую жизнь и что намерен предпринять, если хочет спасти семью.

Разумно. Очень разумно. Но... я не смогу. Просто не смогу сейчас заставить себя излить ему свою раненую душу. Наверное, кому-то такой способ и подошел бы...

Но есть такой тип женщин-интровертов, которые реагируют на боль очень просто и примитивно. Как устрицы с нежной плотью, в которую ткнули чем-то острым. Они сразу же инстинктивно захлопываются.

Мгновенно, намертво и очень, очень надолго.

И те, кто их ранил, должны очень сильно постараться, чтобы «устрицы» снова добровольно открылись в их присутствии.

Понятно, что эгоистичные мужчины обычно предпочитают не заморачиваться. Не задумываться о последствиях и о том, что натворили. Никто не хочет усложнять себе жизнь. Потому и столько разводов вокруг.

Так что быть такой вот «устрицей» в браке с неверным мужем-эгоистом - это, считай, приговор. В первую очередь - приговор браку.

Эти три варианта я долго тасовала и примеряла на себя, но ни на одном из них остановиться так и не смогла.

А потом глубоко задумалась о предстоящих мне родах да и просто о врачах... и вдруг почему-то вспомнила, как они действуют, когда сталкиваются с необратимым случаем гангрены в руке или ноге.

Они попросту отрезают конечность человека, пока еще есть время.

Действуют кардинально жестко, чтобы отрава гангрены не распространилась на жизненно важные органы. Принимают такое решение исключительно с точки зрения рациональности.

Ведь если яд уже необратимо поразил одну часть тела, то будет распространяться и дальше. Тут уж не до эстетической красоты. Надо спасать жизнь - срочно ликвидировать источник гнили и обеззараживать.

А что касается другой заразы...

Если муж хоть раз изменил жене, то новая измена не за горами. Потому что в голове изменника шаг сделан и зафиксирован, как допустимый. Рубеж пройден. Мужской погрешности сделана скидка.

И тут жене уже не до любви, и даже не до раненого самолюбия.

Ставки гораздо выше...

Какой пример мужского поведения будет перед глазами ребёнка, если измена для Владана - «случайная слабость»? И сколько у него впереди еще будет таких вот «слабостей»?

У нас ведь должен родиться мальчик. А я не желаю... от-

чаянно не хочу, чтобы он вырос таким же предателем, способным унижить изменой беременную жену и разбить ее доверие вдребезги!

И сейчас, глядя на мрачного, как туча, Князева, я вдруг необыкновенно четко и ясно понимаю...

Я должна спасти судьбу своего ребёнка!

Сосредоточившись на этой мысли, я глубоко вздыхаю. И лишь затем поднимаю на мужа прямой твердый взгляд.

- Даша... - говорит он, и что-то в моем лице заставляет его жестко шевельнуть желваками. - Я понимаю, что поступил, как мудака, и отвечу за это. Не надо было так, за твоей спиной... Но мне пиздец как тяжело было все эти месяцы. Сорвался, да. Не контролировал я себя, просто крышу вдруг снесло, ясно?

- Ясно, - серьезно киваю я. - Жена беременна, секса давно не было, спермотоксикоз в голову ударил. Чудесные оправдания. И как давно эту крышу у тебя снесло?

Князев скрипит зубами и отворачивается.

- Блядь... Оно тебе надо, Даш? Лишняя информация.

- Мне просто любопытно, какой длины рога на моей голове! - горько хмыкаю я и тут же обрываю себя, опомнившись. - Ладно, забудь. Мне неинтересно на самом деле. Продолжай... дорогой. Что еще ты хотел мне сообщить?

Слышу резкий вдох и выдох.

Даже глазом моргнуть не успеваю, как муж стремительно оказывается рядом. Нависает сверху, припечатав горячими

ладонями мои руки к подлокотникам.

Близко. Слишком близко для моего спокойствия!

Быстро отворачиваю голову в сторону, чтобы не видеть его лица.

- Хорошая моя, послушай меня... просто послушай... - шепчет он на ухо своим проникновенно-низким бархатным голосом и настойчиво гладит мои дрожащие пальцы. - Я люблю тебя. Мы справимся с этим, вдвоём справимся. Мы же семья, верно? Я совершил огромную ошибку, поддался ебучей мужской слабости. Разве это такое непростительное преступление? И что это за отношения у нас тогда, если мы лишим друг друга шанса всё исправить?
Как обычно, его сокрушительно волнующая энергетика заставляет мой пульс подскочить вдвое, но сейчас к этой реакции на близость мужа примешивается новая деталь.

Острая. Отталкивающая.

Вспышка воспоминания о его члене во рту старательной блондинки.

- Отодвинься, пожалуйста, - напряженно говорю я. - И перестань на меня давить. А то меня опять... стошнит!

Он неохотно выпрямляется, но продолжает неотрывно следить за каждым моим движением. Словно зверь, который чует, что на его добычу кто-то покушается.

- Даша... - предостерегающе тянет он похолодевшим голосом. - О разводе даже не думай. Я тебя никогда не отпущу. Это ты понимаешь?

От его тона у меня мурашки по спине бегут. До сегодняшнего дня Князев всегда показывал себя передо мной только с хорошей стороны. Но ведь он настоящая акула бизнеса. А у таких мужчин всегда есть и темная сторона - иначе в нашем мире просто не выжить.

Но я не могу допустить, чтобы он начал мне ее демонстрировать. Только не сейчас. И... время. Мне очень нужно выиграть время, чтобы решить, как поступить.

- Да, - коротко отвечаю я и поднимаюсь с кресла. - Знаешь... мне надо прилечь, Влад. Плохо себя чувствую. Тем более, что завтра я лягу в клинику на сохранение.

Медленно направляюсь к дверям спальни, чувствуя на себе взгляд мужа. Он прямо-таки кожу прожигает.

- Ты ведь собиралась туда позже лечь, - тяжело роняет он мне в спину.

- Я передумала.

Глава 7. Стратегия утопающего

Утро встречает меня хмурым отражением опухшего лица в зеркале.

Эту ночь я выдержала с трудом.

Допоздна не могла нормально уснуть, бессмысленно плавала в поверхностной рваной дремоте, потому что мне опять было сложно дышать носом в горизонтальном положении. Обычная проблема многих беременных на таком большом сроке...

Но еще больше меня напрягало соседство Владана на нашей широкой двуспальной кровати.

Я очень надеялась, что хотя бы из чувства какой-то условной жалости, если не деликатного понимания к нашей непростой ситуации, он проведет ночь в гостевой спальне или даже гостиной... но Князев и не подумал избавить меня от своего присутствия. Явился в спальню ближе к одиннадцати вечера.

Я тогда еще не спала, но мгновенно притворилась спящей. Зарылась в подушку лицом... и через несколько секунд почувствовала, как прогнулся матрас возле меня. Но страх, что Князев снова полезет ко мне с объятиями и ласками, не оправдался.

Он просто... смотрел на меня. Долго смотрел.

И единственное, что позволил себе - это прикоснулся

к моим волосам. Осторожно отодвинул упавшую на щеку прядь и сразу же убрал свою руку прочь.

Расслабиться я смогла только после того, как муж вытянулся на соседней половине кровати. А спустя четверть часа его дыхание стало глубоким и ровным...

Что ж, здравствуй, мое недоброе утро!

Я смотрю на свое малопривлекательное отражение и вздыхаю. Лицо совсем бледное, сероватое даже. А мои глаза - обычно ясные и любознательные, - сейчас кажутся погасшими и неживыми. Словно окна, в которых вырубili электрический свет. Тягостное зрелище...

Ну и ладно! Было бы странно, если бы они сияли от радости после новости, что твой муж трахается с кем попало, пока у тебя пузо растет и ноги опухают.

Стою под душем дольше обычного. Наверное, бессознательно надеюсь, что горячая вода смое с меня хотя бы часть гнетущего настроения... но все без толку.

На часах уже почти девять, когда я захожу в нашу просторную светлую кухню и вздрагиваю.
За домашней барной стойкой стоит мой муж, небрежно опираясь локтем о столешницу. Пьет свой любимый черный кофе без сахара. И его пронзительные синие глаза внимательно следят за мной поверх белоснежного ободка чашки.

Обычно Князев уезжает в свой офис в половине девятого, но сегодня он задержался. Неужто нечистая совесть покоя не дает?

Но все равно это оказывается для меня неприятной неожиданностью. Мне сейчас жизненно важно побыть одной и не видеть мужа. Совсем.

- Я заварил тебе медовый чай с мятой, Даша, - сообщает он. - Как ты любишь.

Я молча сажусь за стол, подальше от барной стойки. Механически беру маленькую ложку с блюдца и начинаю бездумно помешивать чай.

Динь-динь. Динь-динь... Дзинь-бух-плюх!

- Извини, Влад, - иронически сухо говорю я окаменевшему мужу, глядя на осколки разбившейся кружки в луже сладкого мятного чая на полу. - Рука дрогнула. Такая вот... нормальная случайная слабость. Потом уберу за собой, - и, помедлив, добавляю: - Пойду собираться в клинику. Если хочешь, можешь прислать своего водителя к обеду, чтобы меня отвез туда. Или я могу обойтись «вшивым таксистом», сам решаешь.

Киваю консьержке и медленно выхожу из подъезда вслед за водителем с моей прозрачной сумкой с вещами для частной клиники. Паспорт, деньги и прочие мелочи - тоже там, в отдельном кармашке. Еще с седьмого месяца беременности я совсем перестала носить на себе даже маленькие сумочки - очень неприятно было ощущать даже легкое давление ремешка на плече.

- Князева Дарья Алексеевна? - делает шаг навстречу мо-

лодой прыщавый парень, с виду совсем еще юнец.

- Да, - выжидательно притормаживаю я.

- Я курьер от Беловой Раисы Ивановны, звонил вам только что. Вот, распишитесь здесь... спасибо! Хорошего вам дня!

В моих руках оказывается большой конверт с именем матери в строчке отправителя. И документами на старый дом бабушки внутри, надо полагать.

Я задумчиво сую конверт в подмышку и неуклюже устраиваюсь на заднем сиденье машины.

Невольно вспоминается о том, когда мне довелось побывать там в последний раз. Кажется, на похоронах, года три назад, еще до замужества. Дом был хоть и старый, деревянный, но запомнился мне тогда уютным, чистеньким, с ухоженным палисадником и маленьким аккуратным огородом. Бабушка у меня была хмурая, нелюдимая, но очень хозяйственная и трудолюбивая. Жаль, что мать на неё совершенно не похожа в этом. Кто знает, может быть, она пошла в неведомого отца, который бросил бабушку еще до рождения нежеланной дочки..?
Саму бабушку я очень уважала, но мы с ней не были близки.

Каждый раз, когда мать скидывала меня под ее присмотр на летние каникулы, я старалась себя вести тише воды, ниже травы. Побайвалась лишний раз открыть рот. Очень уж поучительно строго и холодно меня отчитывали за малейшую провинность. Всю свою жизнь бабушка работала педагогом в загибающейся деревенской школе, так что после выхода на

пенсию ее привычки к учительской дисциплине нашли свою отдушину в воспитании единственной внучки.
Деревня, в которой находится мое наследство, конечно, не из самых благоустроенных. Но в пяти километрах от нее расположен райцентр с благами цивилизации, вроде поликлиники и супермаркетов. Газоснабжение и электричество в доме подключены. А во дворе есть черная баня и колодец...

Интересный вариант. Надо подумать.

- ...Дарья Алексеевна, - выглядывает из-за спинки переднего сиденья пожилой водитель мужа, поглядывая на меня с заметным сочувствием, - вас прямиком в клинику отвезти? Или, может, в магазин какой по дороге? А то вдруг что-нибудь понадобится срочное?

Я покусываю губы и снова разглядываю белый конверт в своих пальцах. В голове начинает вдруг прорисовываться более-менее адекватный план действий.

- Да... - отвечаю медленно, всё ещё размышляя над основными деталями. - Сначала мне надо заехать в несколько магазинов, купить кое-что. А потом, пожалуй... придется заглянуть в банк. И только потом отправимся в клинику.

Водитель вежливо кивает, и машина трогается с места.

А я впервые со вчерашнего дня чувствую, что во мраке боли и горькой обиды передо мной появляется крошечный просвет хоть какого-то решения.

Ведь не зря же говорят - спасение утопающих в руках самих утопающих!

Я не могу сейчас позволить себе утонуть в отчаянии разбитых иллюзий. Мне необходимо избавиться от ужасного чувства, что мою жизнь жестоко втоптали в грязь. И для этого необходима хоть какая-то цель, к которой можно устремиться.

Цель, которая подарит опору.

...и которая вернет мне уверенность в себе и своих силах - именно то, что я потеряла, когда столкнулась с предательством любимого человека.

Глава 8. Князь. День вины и ярости

Чем хороша осень, так это тем, что всегда можно пялиться в дождливое окно и врать самому себе, что черная полоса лютой фигни в твоей личной жизни - это обычное сезонное явление. Побесит и пройдет само собой.

Жаль, что это не мой случай.

Эта ветреная осень обещает стать для меня по-настоящему хреновой. Сука, да она уже хреновей некуда!

В сотый, а может, и в тысячный раз бросаю взгляд в сторону своего телефона на столе. Сжимаю челюсти так, что зубы скрипят.

Даша...

Не надо ее сейчас дергать. Не надо. Погрустит, поостынет... простит. Потому что любит.

Моя искренняя, светлая девочка...

Раз любит - точно простит. Должна простить. Иначе никак.

- Владан Романович... - скребется в дверь Леонид, мой личный референт-помощник и правая рука. - Концепцию и предложения по праздничным распродажам и акциям на год скинул на электронку. У вас... э-э... телефон на автоответчике, не смог дозвониться.

Не отрывая взгляда от залитой дождем улицы, я бросаю через плечо:

- Позже посмотрю. Свободен.

Замешкавшись, помощник разворачивается, чтобы выйти, и быстро отступает в сторону, пропуская другого вторженца.

- Здорово, Влад, - Плохишев, как всегда, ленив, нахален и бесцеремонен. - Как там Дашка, очухалась?

Я молча обхожу его и усаживаюсь в свое кресло. Барабаню пальцами по подлокотнику, раздумывая, а не послать ли друга к черту с его вопросами. Заебал уже за два дня. Пусть самочувствием своей жены лучше интересуется.

- Понял, всё по-прежнему хуёво, - Плохишев разваливается на диване и смотрит на меня с легкой жалостью. - Слушай, на тебе прям лица нет.

- А что там у меня тогда - морда? - огрызаюсь я и зачем-то принимаюсь вертеть карандаш, подвернувшийся под руки.

- Да не заморачивайся ты так. Побесится, поскандалит, тарелки побьет и простит.

- Она не скандалит, Марат. Просто игнорит.

- А, ну ясно. Просто дуется. Тем лучше, посуда целее будет. Ты ей цветочков и брюликов преподнеси красиво, и она подберет.

- Это ты так от своей всегда отмазываешься, что ли?

Плохишев пожимает плечами.

- Пока не приходилось. Она не в курсе, как я лишнее напряжение снимаю. Да и... а что такого в конце концов в простом быстром минете? Это как... ну не знаю, массаж. Прост-

сто рабочими губками, а не руками. И не массаж спины, а массаж члена. Едва ли до измены дотягивает. Вот если бы ты поставил свою Нонну раком и трахнул во все щели, тогда было бы о чем говорить...

Карандаш в пальцах с треском ломается и летит обратно на стол.

- Зря я с ней связался.

Я с силой тру руками лицо, и ладони колет отросшая щетина.

Блядь, побриться совсем забыл. Всё утро Дашу караулил, поухаживать за ней хотел с тем ебучим мятным чаем. А она взяла и грохнула его на пол... Ладно, будем считать, что я ей так помог немного эмоции выплеснуть.

- Зря - не то слово, - соглашается Плохишев, скучаяще почесывая гладко выбритый подбородок. Метросексуал херов. Он-то, в отличие от меня, держал свою внешность под жестким контролем в любом состоянии, даже с бодуна. - Я аж охуел, когда ты вдруг клюнул на нее на той винной презентации летом. Думал, ты после свадьбы монахом заделался, все наши светские тусовки в сауне игнорил. Да и кто ж на рабочем месте-то пар спускает? Это крайне неосмотрительно, дружище.

- Сам не знаю, что на меня нашло тогда, - угрюможимаю плечами. - Помутнение какое-то. Как Дашка залетела, недотрах стал прям нормой. Блядь... не хотел я ей изменять! Но когда эта вдруг полезла сама... спустил разок, потом еще

пару раз...

- И втянулся, - кивает Плохишев. - Понимаю. Только знаешь, если банальный отсос левой бабы тебя настолько корежил... спускал бы пар с женой, всего и делов.

Я бросаю на него мрачный взгляд и снова смотрю в окно. Знал бы приятель, как у меня обстоят в этом плане дела, на смех бы поднял. В любом случае я не собираюсь с ним обсуждать нашу с ней сексуальную жизнь.

- Ладно, вижу, ты не расположен к общению. Пойду, - Плохишев поднимается с дивана и, сунув руки в карманы, направляется к двери. Потом вдруг притормаживает. - Слушай... не люблю раздавать непрошенные советы, но я бы на твоём месте уволил сучку.

- И так собираюсь.

- Ну и отлично. Первое правило хорошего бизнесмена...

- Интим и бизнес держать порознь, - прерываю его безразлично. - Хорош, а? Задолбал ты меня своим жизненным девизом. А со своим дерьмом я как-нибудь сам разберусь, вали уже давай.

- Со своим-то ты разберешься, а с чужим? Эта твоя Нонна и так уже тебе подкинула проблем. Думаешь, прибежала бы сюда вчера твоя жена, если бы на ее звонок любимому верному муженьку не ответила чужая баба?

Чувствую, как меня обдаёт нехорошим холодом. В груди начинает зарождаться глухая, тяжелая ярость.

- В смысле..? - сузив глаза, медленно поднимаюсь из-за

стола во весь рост.

- В прямом, - легко отвечает Плохишев. - Вчера, пока ты с поставщиками на дегустации вино нюхал, твоя секретарша вертелась тут. Я ее с твоей мобилкой тут видел. И слышал. Она как меня заметила, валенком прикинулась, типа всё случайно... но я таких скользких баб знаю, как облупленных. Так что увольняй на хрен свою минетчицу, пока еще больше дерьма не натворила. Не будь дебилом, Князь.

Выдав свое запоздалое откровение, он выходит из кабинета... и именно в этот момент мимо него в щель дверного проема змеей проскальзывает гибкая девичья фигурка.

Моя секретарша Нонна.

- Владан Романович, - частит она быстрым просительным тоном, - пожалуйста, можно с вами поговорить по очень важному вопросу..?

Плохишев за ее спиной демонстративно закатывает глаза и прикрывает наконец дверь с той стороны.

Я медленно обхожу собственный стол и останавливаюсь. Внутри продолжает бурлить тяжелое варево эмоций. Разглядываю миловидное юное личико с умоляющими красивыми глазами в обрамлении струящихся по плечам густых белокурых волос с таким чувством, что впервые его вижу. Потому что подмечаю в нем то, на что раньше как-то и внимания не обращал...

Хищную целеустремленность. Дикую обиду. И безумную, прямо-таки болезненную жажду внимания...

Блядь.

Она в меня втрескалась. Только этого еще не хватало для полного звездца.

Нонна делает шагжок ко мне и быстро-быстро говорит задышающимся от волнения шепотом:

- Влад, мне очень-очень жаль, что вчера все так получилось! Я места себе не нахожу, так стыдно! Дарья Алексеевна сильно расстроилась, наверное... Развода требует, да?

Сдерживая ярость только одной силой воли, я присаживаюсь на край стола. Руки, стиснутые в кулаки, прячу в карманы брюк... и тяжелым изучающим взглядом исподлобья наблюдаю, как девушка словно невзначай кусает пухлые алые губы, трепещет и всячески демонстрирует свои переживания. Сейчас, когда я смотрю на нее без призмы дурманящей похоти и знаю, что искать, многое становится очевидным.

Она притворяется...

Держится без явной фальши, но если присмотреться, то можно увидеть наигранность. Опыта пока маловато, наверное.

Когда она пришла на собеседование полгода назад, то в потоке жалобного монолога - о своей продуктивной мотивации помочь безработным родителям жилищным кредитом, - упоминала, что собирается поступать в театральное училище. А теперь еще и тренируется, по ходу. На мне, ага. Решила, что я из тех, кто все двадцать четыре часа в сутки думает только членом и за то, что она нагло вошла в мою лич-

ную жизнь, ей ничего не будет. Размечталась о шансе избавиться босса-долбоклюя от неудобной жены и прибрать его к рукам...

Стерва безмозглая. Прежде чем соваться в такие игры, на мальчиках-мажорчиках потренировалась бы сначала. И не дурила бы про запас начальника отдела продаж параллельно. Вот только до этого момента мне было плевать на ее личные дела...

А ведь вчера я счел, что нельзя вышвыривать с работы девчонку лишь за то, что она подвернулась под руку боссу с хроническим недотрахом. Собирался учесть ее положение и устроить в офис к Плохишеву, чтобы со своим кредитом опять в жопе не оказалась.

Охренеть, как я с ней облажался...

Под моим сумрачным взглядом она немного теряется, но, надо отдать ей должное, пока еще держит линию. Делает еще один робкий шаг вперед и мягко говорит:

- Извини, что затронула эту тему... это не мое дело... может, мне принести твой любимый черный кофе..? Я мигом...

- Нонна, - жестко прерываю ее лепет. - С чего ты решила, что у тебя есть право отвечать на звонки моей беременной жены, которой нельзя волноваться? На хрена ты вчера влезла в мой кабинет и взяла трубку?

- Влад... - она осекается и то ли от неожиданности, то ли с перепугу переходит на официальное обращение: - Владан Романович, извините меня, пожалуйста... я не хотела ничего

плохого!

- Ты решила, что наше взаимовыгодное времяпровождение пора перевести на новый уровень? В одностороннем порядке, так?

Нонна бледнеет и сжимается вся, даже голову в плечи втягивает. Потому что последняя фраза больше похожа на рычание, настолько низким и угрожающим становится мой голос. Чисто на автомате. Но тем лучше. Быстрее смысл дойдет.

- Вла-а... дан Романович! - выдыхает она с мольбой и вдруг падает передо мной на колени, цепляясь тонкими пальчиками за ткань брюк. - Влад! Прости меня, я... просто я люблю тебя! Влюбилась, как дура, понимаешь?! С ума схожу по тебе, ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... только не бросай меня, слышишь?! Влад...

Резко оттолкнувшись от стола и не вынимая рук из карманов, я делаю шаг мимо нее, и по инерции она чуть не падает.

- Иди отсюда.

- Что..? - обрывается ее страстное бормотание.

- Ты уволена.

Глава 9. План побега

Даша

Мой план банальнее некуда. Я хочу сбежать от мужа.

Просто потому, что мне необходимо хоть какое-то время пожить-побыть от него подальше. Ведь один только вид этого предателя травит душу и сердце новой болью. Заставляет внутренне корчиться от жгучего яда подсмотренной измены вновь и вновь. Так что всё, чего я страстно желаю - это найти тихое, хотя бы минимально комфортное убежище, чтобы уползти в него и зализать свои раны.

Однако у меня есть два жирных НО...

Первое НО - это отсутствие убежища как такового.

Будь у меня нормальные отношения с матерью, я бы скорее всего переехала к ней в двушку на время. Но мне всегда было сложно находиться рядом с ней... да и вообще тот день, когда я начала работать и наконец смогла снять себе съемную комнатку в общежитии, стал для меня одним из самых счастливых в жизни.

Второе НО - оно же и главное, - это мой ребёнок.

Лично я могла бы как-то перетерпеть неудобства, найти себе дешевое койко-место и жить там, пока ситуация с моими личными доходами не прояснится. Но... только не с новорожденным грудничком.

Ему нужен комфорт, стабильность и спокойная мама. А

в тех условиях, что я могу себе позволить без финансовой поддержки мужа, это просто нереально. Снять квартиру на жалкое пособие даже на полгода мне сейчас не по карману, а насчет подработки я не уверена, что с предстоящим материнским недосыпом потяну. Так что...

Домик в деревне - хороший выход. Надежный.

Разумеется, всегда есть и еще один вариант. Например, изнасиловать саму себя морально. Сцепив зубы, сесть и поговорить с мужем откровенно, устроить стриптиз истекающей кровью души. Заявить, мол, так и так, видеть тебя тошно, Князев, без ножа ты меня зарезал, поэтому я сваливаю! А затем прямолинейно потребовать, чтобы он обеспечил всё необходимое для комфорта обманутой жены и новорожденного малыша.

Это было бы возможно, будь я уверена в том, что на все двести процентов знаю характер своего мужа. Но, как выяснилось, я его не знаю и на жалкую половину.

Потому что ещё вчера могла бы с абсолютной уверенностью сказать, что он меня любит. Очень сильно любит, искренне. До безумия, до волнующе собственнической страсти. А значит, изменять с другой женщиной - точно не станет...
Вот в итоге и поплатилась жестоко за эту самонадеянную, наивную иллюзию «знания». Чужая душа - она ведь те ещё потёмки... а мужская душа - в особенности. И теперь я понятия не имею, на что еще он способен.

Может, на подлость и насилие? Или на жестокую тиранию

и удушающий абьюз?

А вдруг взбешенный Князев обрушит на меня шантаж и угрозы лишить любой возможности вырваться из-под его власти? Захочет связать меня путами еще большей материальной зависимости, пока я физически и морально беспомощна из-за своего материнства? При развале семьи некоторые «особо одаренные» мужья и не на такое способны. Во всей красе показывают самые отвратительные стороны характера.

Нет, нет и нет!

Я не готова сейчас это выяснять. Своему мужу я больше не верю.

Если водитель и удивлён тем, как много времени я вдруг решила посвятить покупкам, то держит своё мнение при себе. Покорно возит меня туда-сюда и дожидается на парковке.

Список у меня совсем небольшой: необходимый минимум вещей - и детских для новорожденного, и взрослых для себя; необходимые хозяйственные мелочи в дорогу, дешевый мобильник, новая сим-карта. И, конечно, наличные деньги. Приличная сумма, но не слишком крупная, чтобы финансовая отчетность не вызвала у Князева никаких подозрений в ближайшее время. Ведь карта, которой я пользуюсь, принадлежит ему.

Никаких угрызений совести нет.

Владан - отец нашего ребенка, и эти деньги в первое вре-

меня послужат для обеспечения нормальной комфортной жизни для нежного малыша. По сути те же алименты, просто неофициальные...

Единственная загвоздка возникает, когда я понимаю, что мой «тревожный чемоданчик» лучше спрятать где-то вне дома.

Довериться своим знакомым я опасюсь, а так называемых «лучших» друзей у меня попросту нет и никогда не было...

Значит, нужна камера хранения. Чтобы можно было спокойно с маленьким «пойти на прогулку», забрать эти вещи и уехать в деревню, отправив мужу прощальное сообщение уже в пути со старого телефона. А потом, когда - я надеюсь! - бабушкин дом оправдает ожидания, можно и на развод смело подать.

Вот только как бы всё это сделать, чтобы водитель не смог рассказать о моей подозрительной беготне с бесследно исчезнувшими вдруг покупками? Ведь если я официально лягу в клинику, то так просто носиться по городу на восьмом месяце тяжелой беременности никто мне уже не даст!

Оставляю почти все свои вещи под присмотром охраны в торговом центре и задумчиво выхожу к парковке.

- А где ваши покупки? - удивляется водитель.

Я небрежно демонстрирую тонкий, почти невесомый пакетик с фланелевыми распашонками и пеленками для новорожденных.

- Вот они. Послушайте... - усиленно напрягаю память в попытке вспомнить его имя, - Павел! Мне хочется еще немного посидеть тут в кафе... а то меня ждут впереди долгие недели больничного однообразия. Когда еще так удастся спокойно насладиться чашечкой чая, правда..? Давайте вы пока ответите мою сумку для родов в клинику, а часа через три заедете за мной. Идет?

- Как скажете, Дарья Алексеевна, - с легким сомнением кивает водитель, и я понимаю, что он немедленно доложит Князеву о моем внезапном капризе.

Ну и ладно. Главное, что я от соглядатая избавилась.

Глава 10. Роковая правдорубка

Всё задуманное мне удастся завершить в течение пары часов.

С чувством глубокого облегчения я прячу маленький ключик от камеры хранения в потайной кармашек своей просторной накидки-пончо, а затем медленно направляюсь по проспекту обратно к торговому центру.

На сердце, конечно, по-прежнему погано, но зато от собственных поступков ко мне вернулось и желание действовать, и энергия на его исполнение. Появился четкий смысл моей новой реальности. И в ее центре Князева больше не будет. Там буду только я и мой малыш.
Еще до обеда непогода усилилась, а сейчас вместо умеренно-холодного ветерка в лицо уже моросит колкий дождь. Сильно пахнет ядреной горечью осени.

Я никуда не тороплюсь.

Бреду вперед, спрятав нос в воротник теплой накидки с капюшоном и загребаю носками ботинок опавшие желтые листья. Стараюсь думать только о важном и полезном, отгоняя тоскливый призрак депрессии.

Но Князев не дает о себе забыть. Снова лезет в мысли, настойчиво названивая на мой мобильный.

Зачем ты мне звонишь, Влад? Ты чувствуешь..?

Чувствуешь, как из твоих рук скоро ускользнет контроль

над моей жизнью?

Очень не хочется отвечать... но надо. Очень надо. Если я хочу усыпить его бдительность и выиграть время.

Вдох-выдох.

- Привет, - тихо говорю в трубку.

Мой голос звучит хоть и невесело, но вполне себе спокойно, не выдавая настоящих эмоций.

- Как у тебя дела? - хмуро интересуется Князев. - Павел сказал, что ты решила задержаться в торговом центре... Сидишь в кафе?

- Со мной всё нормально. Собираюсь заказать еще одну чашку чая.

Повисает напряженное молчание, полное невысказанных слов. А затем я слышу тяжелое и тягучее:

- Даша... девочка моя...

Крепко зажмуриваюсь. Знакомые нотки властной нежности в его голосе - как ножом по сердцу.

- Извини, мне нужно в туалет, - торопливо перебиваю я. - Сам понимаешь, беременные дела.

И обрываю связь.

Смотрю на свои пальцы - трясутся мелкой противной дрожью, как у хронической невротички. Чертов Князев! Сладкоречивый самовлюблённый мудака. Кот-баюн, виртуозно играющий эмоциями в нужном ему направлении и не знающий женских отказов!

Но со мной этот фокус больше не пройдет. Не после то-

го, что я видела. Надо просто держать в голове единственно верный вывод...

ОН. МЕНЯ. НЕ. ЛЮБИТ.

И вряд ли любил.

Просто пользовался. Позволял себя боготворить и наслаждался собственной самцовой крутизной в отражении моих влюблённых глаз...

Ускоряю шаг, чтобы хоть чисто физически выплеснуть бурю внутреннего раздрая, и ребёнок в животе тут же возмущенно пинается крошечной ножкой. Приходится снова перейти в режим плавной черепашки.

Тише, тише, малыш... никаких причин для тревоги нет - ты с мамой. Баю-бай, мой хороший...

А осенний дождь всё моросит и моросит, ухудшая видимость, и по проспекту через лужи с брызгами проносятся машины.

В какой-то момент я откидываю капюшон, чтобы оглядеться.

Вижу издали приметную остроконечную крышу офисного здания «Князево», а метрах в ста - громаду торгового центра. До него осталось совсем немного. Надо пройти один перекресток и свернуть на небольшую парковую аллею. Там самая короткая и удобная пешеходная дорожка.
Только собираюсь пойти туда, как прямо возле бордюра напротив притормаживает такси.
Оттуда выбирается тоненькая девичья фигурка в коротком стильном пальто и высоких

сапогах-чулках. Она встряхивает роскошной шевелюрой и странновато-неровной походкой направляется к аллее.

Застыв на месте, смотрю на ее спину.

Длинные блондинистые волосы покачиваются, подпрыгивают на каждом ее шаге. Вверх-вниз... вверх-вниз...

Прямо как в тот момент, когда она стояла на коленях перед Князевым.

Когда она скрывается за поворотом аллеи, у меня перехватывает горло от нехватки воздуха. Голова немного кружится. Оказывается, всё это время я почти не дышала.

Эта блондинка... понятия не имею даже, как ее зовут... почти самый последний человек, с которым мне сейчас хотелось бы случайно столкнуться. Хуже встречи и не придумаешь! Хотя нет...

Еще больше я не хотела бы сейчас встретить на улице мужа, так что лучше поторопиться. А его любовница пусть лесом идет! Плевать и на нее, и на ее белокурую башку. Игнор, полный игнор - вот наилучшее решение. Никого не вижу, ничего не слышу!

Сглотнув горькую слюну, снова иду вперед и стараюсь смотреть строго под ноги, как будто погружена в свои мысли. Вроде бы это легко... но меня преследует неприятное ощущение, что под ногами не твердый асфальт, а какой-то шаткий мостик. И подташнивает.

Может, из-за нервов... Только бы не снова приступ токсикоза!

Блин. Точно он.

Не дожидаясь, когда желчь подкатит к горлу, я сворачиваю с тротуара на жухлую траву газона возле какой-то скамейки. Стою, уперевшись в колени, и глубоко дышу.

Но приступ бесследно исчезает, так и не начавшись.

- Здра-а-асте... Дарья Алексеевна! - вдруг раздается совсем рядом насмешливый сладкий голосок с характерными вульгарно-невнятными интонациями.

Я быстро оборачиваюсь и чувствую, как кровь отливает от щек.

Блондинка сидит на дальнем конце скамейки, закинув длинные ноги в грязных сапогах прямо на сиденье. Кажется, она слегка пьяна. Держит в руке компактную бутылочку коньяка и водит стеклянным горлышком по своим сочным алым губам.

Молча отворачиваюсь и обхожу скамейку по широкой дуге с задней стороны. По траве, так быстрее.

- Что... истерить и обзывать не будете? А, Да-а-арья Алексеевна? - с какой-то злобной настойчивостью тянет секретарша Князева, потом резко скидывает ноги на землю и встает. - Не желаете даже снизойти до пары «ласковых» к простым смертным? Ну коне-е-ечно! Ведь вы у нас такое неземное и чистое создание! Ангел, блядь, в белом пальто с крылышками!

Выплюнув это странное обвинение, она вдруг швыряет свою бутылку в урну и преграждает мне путь.

Я запахиваю края своей просторной накидки-пончо плотнее. А потом осознаю, что еще автоматически прикрываю руками и живот.

Ну да вообще-то. Инстинкты не зря людям даны. Мало ли, что эта пьяная девица учудит на эмоциях.

- Что вам от меня нужно? - спрашиваю устало. - Если поговорить, то мне это не интересно. Вы спите с моим мужем, это уже выяснили.

- Сплю?! - блондинка издает булькающий звучный смешок и достает из кармана пачку сигарет с зажигалкой. - Да нет, я с ним не сплю.

Щелк, щелк, щелк.

Огонек вспыхивает и гаснет. Из-за плохой координации движений прикурить ей удастся только с третьей попытки, и из нахального точеного носика выползают первые струйки дыма.

- Ну хорошо, - морщусь я, отступая назад. - Не спите, а трахаетесь.

- Называйте вещи своими именами, - фыркает она. - Я ему отсасываю. Регулярно и качественно. Даю то, в чем Влад остро нуждается с тех пор, как его жена превратилась в жирный инкубатор и воротит нос от его члена. Кстати, размер у него что надо!

Вульгарность этого непрошеного откровения действует на меня одновременно и как удар, и как плевок прямо в лицо. Больно и противно.

- Оставьте подробности себе, - хрипло выдавливаю из себя. - Мне надо идти.

Делаю шаг в обход, но блондинка словно не замечает и не слышит ничего. Надвигается ближе ко мне, мешая пройти, и едко произносит:

- Владан Романович уволил меня сегодня. Довольны?

- Мне всё равно! Пусти! - на нервах я неожиданно для себя перехожу на «ты» и решительно отталкиваю ее со своего пути.

Но пьяная любовница моего мужа никак не затыкается. Идет задом наперед по газону, не давая обогнать, затягивается сигаретой в пьяном стремлении поскорее выплеснуть накипевшее и шипит, шипит, шипит...

- Я всё думала, что в вас такого особенного? Почему такой мужик за толстуху свою намертво держится? Посмотреть хотела поближе.. а теперь вижу - ничего и нет! Смотреть не на что! Значит, дело не в вас? Влад за пузожителя вашего держится, точно! Спит и видит себя папашей..!

Злые слова жалят, как плевики огня, и мне вдруг становится страшно. Просто страшно. От того, что на свете есть люди, способные вот так с ходу наброситься на тебя и осквернить всё, что ты знала и любила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.